

Михаил Ландбург

CUI BONO?

повесть о трагедии Гуш Катифа, в августе 2005 года

Михаил Ландбург Соі Воно? Повесть о трагедии Гуш Катиф

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8922255
Соі Воно? / Михаил Ландбург: Книга-Сефер; Тель-Авив; 2015*

Аннотация

Гуш-Катиф (ивр. גוש קטיף, «урожайный блок») – блок еврейских поселений на юге сектора Газа, который был ликвидирован в августе 2005 года.

В рамках плана «одностороннего размежевания» Израиль начал эвакуацию еврейских поселенцев и войск из сектора Газа. Поселения были эвакуированы и разрушены. В последующие месяцы территория была передана Палестинской автономии.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

68

Михаил Ландбург

Cui Bono?

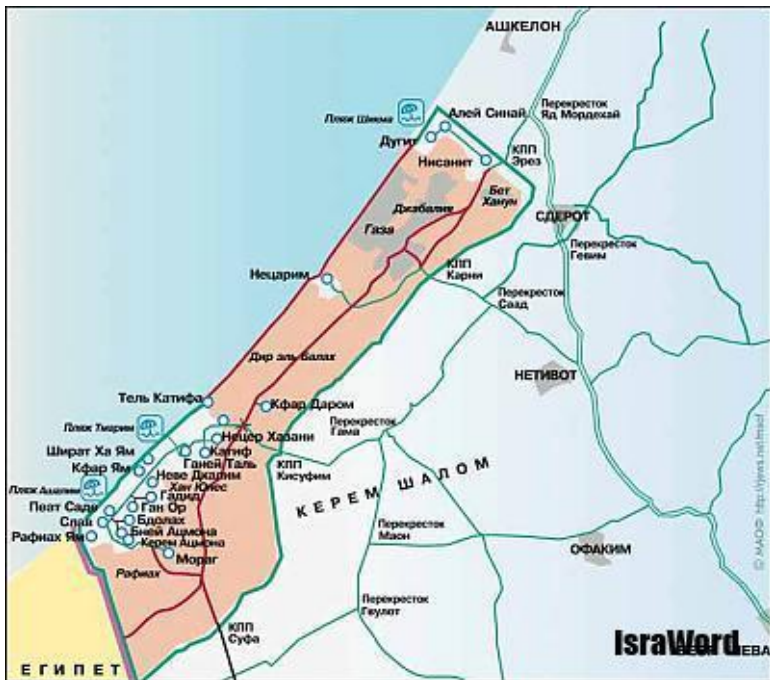
«Довольно сочинять романы с преступлениями и наказаниями; пора написать о преступлении без наказания»

Иван Бунин. «Петлистые уши»

«Да, я знаю, что идеи существуют лишь благодаря людям; но в этом как раз и заключается трагизм: идеи живут за счёт людей».

Андре Жид. «Фальшивомонетчики»

CUI BONO? (кому это нужно? в чьих интересах? лат)
повесть о трагедии Гуш Катифа, в августе 2005 года

Кфар-Даром, 17-ое августа, 2005 год. 5,45 утра.

В это утро не петухи разбудили Кфар-Даром, а почтальон Бенци, который, перебегая от домика к домику, размахивал свежим номером газеты и надрывным, срывающимся голосом кричал: «Люди, завтра конец света!..»

И тут началось.

По утрам мучительно досаждали старые раны, однако, когда перед домом полковника в отставке Амира Шаца собралась толпа поселенцев, он, заставил себя подняться из кресла и, старательно погасив на лице гримасу боли, вышел на террасу.

«Это надругательство...»

«Над нашими сердцами...»

«Над нашими руками...»

«Над...»

«Над...»

«Над...»

«Теперь...»

«У нас нет больше прав оставаться в своём доме?»

«Мы бесправные?»

«Мы потеряли наши права?»

«Завтра...»

«Почему?...»

«Не молчи, полковник!»

В этот час рослый, крепкого сложения полковник (когда-то побеждавший в состязаниях по триатлону) внезапно ощутил себя лишённым жизненных соков, а колюче-пристальные и испуганно-выжидающие взгляды поселенцев вызвали в нём отчаянную тоску и бессилие. Мысли в голове

неудержимо путались, и впервые за всю свою жизнь он показался самому себе жалким, беспомощным, отверженным стариком:

«Мы НУЖНЫ здесь... ОЧЕНЬ НУЖНЫ... – говорил ты тогда. – Ведь мы – граница, а позади нас – страна...»

«Страна уважала нас, да и мы себя тоже...»

«До нас птицы здесь не пели, трава не росла».

«Помнишь, полковник?»

«А теперь...»

«Поимели нас... Со спины...»

«Сейчас мы кто?»

«Не молчи, полковник!».

«Ты не должен молчать!»

Лицо полковника, будто поверхность древнего сосуда, покрылось серовато-землистым цветом, и было грустно от мысли, что люди, которые стояли перед ним теперь, ещё недавно смотрели на него не так, совсем не так...

«Не должен... Должен... Должник... Долг...» – грудь полковника, вопреки прилагаемым усилиям унять буйство дыхания, продолжала непослушно вздыматься, будто что-то толкало её изнутри наружу. За долгие годы службы он усвоил, что Долг – это беспрекословное исполнение Приказа, Воли, но в это утро его охватило сомнение. «Чьей Воли? Моей? Чужой?» – думал он. Пересохло в горле, онемел язык, и, заметив на растерянных лицах поселян красноватые бугорки под глазами, он вдруг ощутил, как всё его существо объяла

крайне редко испытываемая им тревога.

В последние сутки полковник жадно слушал телевизор, внимательно просматривал газеты, но, в конце концов, от телевизора его воротило, а от газет тошнило; всё услышанное и прочитанное он с раздражением отметал прочь, убеждая себя, что Это не случится, что Этого быть не может.

«Ты позвал нас сюда, и мы за тобой пошли...»

«Тогда нас называли замечательными парнями, а теперь...»

«Как назовут нас теперь?»

«А может, то, что собираются проделать с нами теперь, тоже НУЖНО, ОЧЕНЬ НУЖНО?»

«Не молчи, полковник!»

Полковник молчал, досадуя на вдруг охватившее его состояние растерянности и беспокойства. Проникшая в затылок острая боль сверлила, давила, истязала.

«Я не должен молчать?.. Но голова бастует...Моя голова... Может, это к засухе или к чему-то ещё?..» – затравленным, потухшим взглядом смотрел полковник на поселян, на их поникшие плечи, встревоженные лица, вслушивался в звучание коротких выкриков, напоминающих стоны раненых.

На прошлой неделе, пряча глаза, лейтенант Лотан Шац прошептал: «Отец, рано или поздно Это случится!..»

«Завтра... – кричали люди. – В газетах пишут, что завтра...»

«Зачем, – рвалось с дрожащих губ учителя Ривлина, – зачем десятки лет я рассказывал детям о «стойкости», «мужестве», «переднем крае», если сегодня кому-то понадобилось увидеть во всём этом нечто лишнее и нелепое? Кому, скажи, нужно, чтобы старый учитель ощущал себя лгуном? Зачем лишают меня памяти? Зачем казнят унижением? Зачем мне жизнь, отравленная анемией совести? Скажи, полковник, зачем?»

Полковник молчал.

Люди руками молотили воздух.

«Не молчи, полковник!»

Небо над Кфар-Даром повисло синее, нежное, а в небе солнце – неприязненно-жгучее.

Не в силах унять досадную тоску от ощущения собственного бессилия и сковавшего тело оцепенения, полковник поморщился; единственное, на что он был в эти минуты способен, это стоять безмолвно, бессмысленно шевелить губами и невидимым, отрешённым взглядом смотреть на вопрошающе-испуганные лица односельчан.

«Выходит, тогда мы напрасно?..»

«Не молчи, полковник!» – глаза людей, десятки лет признававших в нём своего вожака, были наполнены нескрываемым раздражением.

«Неужели ты перестал видеть?»

«Нет!» – хотел ответить полковник.

Не ответил. «Как объяснить этим людям?..» В памяти

всплыли слова французского лётчика: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не видишь».

Выступив из толпы, обычно сдержанная портниха Малка, громко выкрикнула: «Зато Бог на нашей стороне!» – и тогда люди, не сговариваясь, разом ступили на тропинку, ведущую к дому поселкового раввина Иосефа.

Полковник с горечью смотрел то на небо, то на удаляющиеся спины поселян. Мутная пелена заволокла глаза. Хотелось выкрикнуть: «Этого быть не может!.. Это – недоразумение!» Не выкрикнул. А когда пелена с глаз опала и вернулась острота зрения, на лужайке он увидел лишь одних кошек, которые в недоумении смотрели на мир влажными остановившимися глазками.

«Ты-то чего?» – спросил полковник, наклонившись к котёнку, который судорожно встряхивал алым ушком и роптал про что-то жалобное, тоскливое.

Котёнок, должно быть, смутившись, отвёл взгляд в сторону.

«Нет, – решил полковник, – кошки не жалуются. Кошки – не люди...»

* * *

Беер-Шева, 16-ое августа, 10.00.

Человек в чёрном одеянии сказал: «Подсудимый, вам

предоставляется право последнего слова».

В груди Виктора шевельнулся холодок. «Последнее слово...» – поднявшись со скамьи подсудимого, Виктор спокойно, подчёркивая чувство собственного достоинства, взглянул на серебряный герб Израиля и потребовал, чтобы подали кипу. Судья, сморщив бледные щёчки, кивнул приставу, и тот послушно подошёл к стеклянному шкафчику, достал из него белоснежную, обшитую золотыми нитками кипу. Бережно возложив кипу на голову, Виктор поклонился и судье, и приставу, а потом, выпростав кверху обе руки, негромко, но, чётко выговаривая каждое слово, произнёс: «Пробудись и поднимись для суда моего, Бог мой и Господь мой, чтобы заступиться за меня!»

Тишину нарушил одинокий вздох, и вслед за ним по залу пробежал торопливый, сдавленный шёпот: «Теиллим... Теиллим... Он читает Теиллим...»

...Разумеется, никто из присутствующих в зале суда не мог предположить, что эту же молитву Виктор произносил и две недели назад, когда его поместили в камеру следственного изолятора. В ту ночь в камере их было двое: он, студент Беер-Шевского университета, и Цвика, сантехник из Кирьят-Гата, которому в драке с двумя подростками не удалось разумно рассчитать силы, в результате чего, один из парнишек недосчитался зуба, а другой – трёх пальцев.

Вентилятор в камере не работал, и, громко сокрушаясь по этому поводу, Виктор горестно качал головой, в то время,

как сантехника настойчиво донимала мысль о том, что в тюремных помещениях непременно должны водиться крысы.

Сантехник безостановочно бродил по камере, заглядывая во все углы и выясняя у Виктора, не заметил ли тот в их камере присутствие крыс. Виктор сказал, что он не здешний и что данное заведение посещает впервые. В конце концов, утомившись, Цвика прилёг на пол посередине камеры и, издав жуткий стон, подвёл итог проведённой им инспекции:

– Суки!

– Ага! – вяло отозвался Виктор.

– Вот дела-то!

– Ну, да! – Виктор обескуражено взглянул на заросший, безудержно вздрагивающий подбородок сантехника. – Не надо было ломать парню пальцы.

– Так уж получилось. Парни злые оказались. Предельно злые... Я не хотел, чтобы так получилось...

– Ну, да, – заметил Виктор, – так уж получается, если иметь дело со злом.

– Я не хотел, чтобы так получилось, – повторил Цвика. – Эти парни некрасиво отозвались о моих родственниках-поселенцах, а один из них сказал, что поселения Гуш-Катиф никому и на хрен не нужны. Я завёлся... Думаю, это из-за того, что у нас теперь мерзкие времена. Злых развелось...

– Времена бывали мерзкими и раньше. И злые люди бывали... – сказал Виктор.

– А справедливость? – устало спросил Цвика.

– Что с ней?

– Справедливость когда-нибудь выглянет? – пытаюсь удержать дрожь, Цвика прижал к подбородку ладонь.

– Обязательно! – ответил Виктор, – Только она задержится лет на сто семьдесят-сто девяносто...

– Вот жизнь-то, а?

– А что жизнь? – с упрёком в голосе проговорил Виктор. – Ты, вон, после своей баталии остался вроде бы живой, а ещё на жизнь жалуешься.

– Потому и жалуюсь, что вроде бы живой; неживые не жалуются... – объяснил Цвика.

Виктор извинился.

– Суки! – пробормотал Цвика, отдохнув. Он поднялся с пола, чтобы отправиться в очередную инспекцию по углам камеры.

– Суки! – откликнулся Виктор и внезапно провалился в дрёму.

Снилось ему, будто страна горит, а в это время пожарники в сверкающих на солнце медных касках, объявив о бессрочной забастовке, раскачиваются на ласковых волнах моря.

Закричал во сне Виктор и проснулся.

– Чего орёшь? – спросил Цвика.

– Так ведь страна горит!.. – стонал Виктор.

– Страна – не солома... – успокоил сокамерника Цвика.

«Не понимает!» – подумал о сантехнике Виктор.

Утром пришёл полицейский с круглыми, как у петуха, гла-

зами и повёл Виктора по длинному узкому коридору.

Оставаясь за дверью, полицейский сказал: «Проходи!»

Если не считать двух стульев и небольшого столика, комната была пуста. Виктор присел на ближний стул, и тогда откуда-то сбоку послышался звук робко открывшейся дверцы. Человек с густыми рыжими бровями и маленьким ротиком на жёлтом лице пересёк комнату неслышными шагами, остановился возле Виктора; какое-то время он оставался стоять в задумчивости, а потом, обойдя столик, безрадостно опустился на скрипнувший, словно всхлипнувший, стульчик.

– Ну? – проговорил ротик. – Как здоровье?

«Учтивый!» – подумал о следователе Виктор и, переведя взгляд на зарешёченное окошко, подумал об Анне, которая осталась сидеть в своей кровати, в то время как он сидит теперь здесь, где, по мнению полстраны, он сидеть не должен.

– Дать Асамол? – мягко улыбнулся следователь.

– Зачем?

– Голова не болит?

Виктор оторвал взгляд от решётки и скислил лицо.

– Должна болеть? – спросил он.

Следователь поджал губки и, шумно втянув в ноздри воздух, опустил веки. Наступило долгое молчание.

На самом деле, опыт подсказывал следователю, что внезапно прерванная беседа обычно приводит подследственных или в состояние панического страха, или к острому желанию

как можно скорее прервать гнетущую тишину и заговорить первыми.

Однако первым заговорил следователь.

– О чём, милый, задумался? – голову следователь повернул под таким ракурсом, чтобы его похожее на розовую лепёшку ухо привлекло к себе внимание непременно.

Виктора ухо привлекло, и он, разглядывая торчащие из лепёшки жёлтые волосики, сообщил:

– О весёлых девочках!

– Вот как! – следователь карандашом постучал по столу. – Это о тех, которые...

– О тех самых...

Вытянувшись в трубочку, губки следователя спросили:

– Шутишь?

«Какой у него малюсенький ротик!» – подумал Виктор и в свою очередь спросил:

– Разве в этом помещении шутят?

– О женщинах на какое-то время забудь! – не поднимая глаза, следователь пошевелил кустиками бровей.

– Забыть?

– Начисто!

– Господи, а ведь так не хочется!..

– Придётся...

Ощувив сухость в горле, Виктор сказал:

– В таком случае буду думать о прохладительных напитках.

– Нет!

– Не думать?

– Нет, родной мой! Ни о чём таком, понимаешь?

В комнате было душно и влажно.

Виктор лизнул губы.

– Мне отвечать? – спросил он.

Следователь поднял утомлённые глаза.

– Отвечать, голубчик, ты обязан!

– Каким же это образом, если не разрешаете думать?..

Следователь укоризненно прошептал:

– Я сказал «ни о чём таком...»

– Так ведь ни о чём другом здесь не думается...

«Гадёныш!» – мелькнуло в голове следователя, а ротик

попросил:

– Ты уж, родненький, напрягись, а шутки свои принеси в

жертву...

– В жертву? – испуганно переспросил Виктор.

Карандаш снова постучал по поверхности столика, только на сей раз менее угрожающе.

– Наш праотец Авраам, – напомнил, улыбаясь, следователь, – был готов принести в жертву даже родного сына...

– Да-да, припоминаю, – согласно кивнул Виктор. – Действительно, Авраам был готов принести страшную жертву, но ему было легче, ибо знал, кому её приносит...

– Что? – вскинулся следователь. – Что ты имеешь в виду?

Отвёдя задумчивый взгляд в сторону, Виктор пояснил:

– Ни наш премьер-министр, ни президент США, ни даже вы – не очень-то напоминаете Создателя...

Вздвогнув, губки следователя устало осели и, чуть погодя, попросили:

– Попридержи язычок, уважаемый!

Виктор тяжело вздохнул.

– Не получится... – с тоской объявил он. – Разве мыслимо отвечать на вопросы без участия языка?

На лице следователя обозначилось подобие улыбки.

– Мыслимо, сладкий ты мой! – процедил он сквозь зубы.

– Правда?

– Помогу! – прищутив один глаз, пообещал следователь.

«Уж придётся тебе...» – подумал Виктор.

– Итак, – язык следователя, лизнув уголок рта, тут же спрятался, – будь любезен и назови своё имя, фамилию, год рождения, место рождения, место жительства, семейное положение и род занятий.

Задержав задумчивый взгляд на зарешеченном окне, Виктор поймал себя на мысли, что всё сказанное им в этом помещении будет, возможно, впоследствии представлять собою, если не историческую, то, во всяком случае, некую государственную ценность, и, уже не отступая от этой волнующей мысли, решил, прежде всего, покашлять. Сделать это нужно было таким образом, чтобы звучание кашля послышалось следователю как нечто достаточно значимое и весомое, и лишь после этого, Виктор заговорил чётко и взвешенно:

«Я, Липски Виктор, родился в 1983 году в Литве, ныне проживаю в израильском городе Беер-Шева на съёмной квартире по улице Ремез 12, квартира 1, холост, студент второго курса философского отделения, а также ночной заправщик на бензоколонке при выезде из города. Раз в два месяца подрабатываю ещё и тем, что сдаю кровь в больнице «Сорока» – врачи полагают, что моя кровь чего-то стоит...»

Внезапно глаза следователя покрылись нежно-задумчивой пеленой, и, почесав карандашом бровь, он спросил:

– Куришь?

– Зачем? – удивился Виктор. – Мне уже не четырнадцать...

– Выпиваешь?

– Если предлагают.

– Стрессы испытываешь?

– Не настолько, чтобы объявлять о них публично.

– Спишь нормально?

– Под утро обычно просыпаюсь.

– В стране сколько лет?

– Достаточно!

– Сколько?

– Порядком!

– Сколько?

– Если вас интересует цифра, то четыре года.

– Кто та женщина, которая при твоём аресте сидела в кровати?

– Это Анна. Она сирота. В прачечную, где она работает, я сдавал бельё. Вначале Анна поглядывала на меня издали, а однажды позвала к себе.

– Из жалости?

– Я не спрашивал – пошёл с Анной, и всё тут... Разумеется, пошёл при условии, что буду выплачивать квартплату. Ровно в полночь я звонил с бензозаправочной станции. «Что нового?» – спрашивал я; в ответ Анна говорила: «Обожаю по-прежнему!»

– А ты её? – губки следователя искривила едва заметная усмешка. – Девушка тебя обожала, а ты её?

– Не знаю... У Анны я пожил два месяца, пожил бы ещё, если бы ваши люди не изъяли меня из Анниной постели; ваши люди, как я понял, посчитали, что тюремная камера мне более подходит...

– Разве не так? – ласково спросил следователь.

– Никак не иначе... – так же ласково ответил Виктор.

Следователь помолчал.

– Говоришь, два месяца? – спросил он потом.

– Неполных... Иногда я отлучался...

– К своему дяде в Кфар-Даром?

– Верно!

– К полковнику?

– Вы знаете полковника?

– Здесь, мой хороший, вопросы задаю я!

– Ну да, здесь – вы!

Вытянув шею, следователь понюхал воздух.

– Страна нравится? – спросил он.

– Иногда очень, иногда не очень!

– А как обычно?

– Обычно – средне...

Следователь понюхал воздух ещё.

– Что ж тебе, голубок, не достаёт, чтобы страна нравилась «очень»?

– Позвольте, я подумаю.

– Если недолго...

Виктор подумал недолго.

– Не достаёт падающего на знойную землю снега, – сказал он. – Что же до остального, то тут всего даже с излишком...

Следователь задумчиво улыбнулся.

– А в свою Литву вернуться хочешь?

– Иногда хочу, только она не моя... И потом...

– Что, моя прелесть, что «потом»?

– Всё, что было моим там, я захватил с собой сюда: память о моих улицах, моей школе, моих друзьях, моих далёких предках, которые в той земле... «Иерусалаим ин Литте»...

– Ну да, ну да... А я – коренной иерусалимец!

Виктор виновато опустил голову.

– Солнышко, не смущайся, – сказал следователь. – И в Литве встречались достойные люди. Например, музыку Чюрлёниса знает весь мир... Её, я думаю, и сегодня исполняют

в его родном Домском соборе...

– Исполняют. Только Домский собор в Риге, а Чюрлёнис жил в Каунасе.

– Не путай меня! – следователь посмотрел на Виктора остановившимся взглядом. – Тот Чюрлёнис, который жил в Каунасе, тот был художником, а не музыкантом. Между прочим, поговаривали, что он был странной, даже мифической личностью, и в его доме было полно чертей. Представляешь, чертей!..

– Это точно! Я сам видел... Помню их...

– Чертей? – осторожно спросил следователь.

«И тебя не забуду», – подумал Виктор.

– Их самых!

– А раввина Иосефа?

– Что раввина Иосефа?

– С ним встречался, общался?

– Бывало, что беседовали...

– О чём, голубчик? – проговорил следователь, придав своим словам подчёркнутую мягкость.

Виктор отвёл глаза, про себя проговорил: «О козьем молоке!»

– Со мной поделиться не хочешь?

«Как же, очень хочу!» – продолжил разговор с собою Виктор, а вслух спросил:

– Зачем вам?

Следователь вдруг поднялся, прошёлся по комнате и, зай-

дя к Виктору за спину, весело заметил:

– А как же я обнаружу чёрный ящик?.. Как, так сказать, Сui bono, выявлю?..

– Понял! – сказал Виктор. – Принимаете меня за потерпевший аварию самолёт... .

«Вроде того!» – вернувшись на место, подумал следователь.

– Так о чём вы беседовали с раввинов Иосефом? – спросил ротик.

Виктор сообщил:

– Раввин сказал, что я, как и многие другие «оранжевые» парни, ему крепко симпатичен, но при этом он сокрушался по причине того, что я слишком долго петляю в поисках выхода на дорогу Достойного. «Как ты можешь, проходя мимо храма в Кфар-Даром, не замечать его?» – спрашивал он.

– Очень любопытно! А что отвечал ты?

– Я обещал обдумать упомянутый раввином маршрут непременно.

Спина следователя вдруг выразительно выпрямилась, а взгляд, нацеленный на поиск «чёрного ящика», стал ещё острее и нетерпеливее.

«Ну, вот, – решил Виктор, – теперь он примется выяснять, не страдаю ли я плохим пищеварением, хроническим насморком, воспалением дёсен, плоскостопием, эпилепсией, запором, приступами меланхолии, молюсь ли я перед сном и чищу ли после еды зубы?»

Но следователь спросил совсем про другое:

– А не сложилось ли у тебя, голубь, впечатление, что раввин Иосеф прибирает людей Кфар-Даром себе к рукам?

Виктор округлил глаза.

– Мне показалось, что раввин Иосеф вполне удовлетворён тем, что у него есть его Бог...

– Ну да, ну да, – пряча глаза, пробормотал следователь, но... – А ты не мог бы попытаться заставить себя размышлять более глубоко?..

– Более глубоко – это как? – спросил Виктор.

– Более глубоко – это когда напрягают мозги, – пояснил следователь. – Напрягать мозги порой приходится... И тебе придётся!..

«Фигу тебе!» – подумал Виктор и вслух сказал:

– Буду стараться!

Следователь одобрительно причмокнул губками.

– Умница! – сказал он ласково и добавил: «Твое преступное поведение возле ворот Кфар-Даром я попытаюсь пере-квалифицировать, то есть, высказать мнение, что избранное тобою действие было не столько преступным, сколько, скажем, некоей необдуманной шалостью...»

– Вы попытаетесь? – вскинулся Виктор. – Правда?

– Истинная! – улыбнулся следователь. – А что тебя смущает?

Задумчиво разглядывая широкие густые брови следо-вателя, Виктор поделился своими познаниями из философии:

– Некий древний китаец заметил, что «истинная правда» на самом деле похожа на её отсутствие!»

– Китаец? – спохватился следователь.

– Китаец!

– Заметил?

– Да, а что?

– Вряд ли китаец мог... Заметить что-либо глазками-щёлочками?

– Ясно!

– Что?

– Ясно, что вы-то несколько не китаец!

– Вот именно! Я-то заметить могу...

«Можно-нельзя» – с детства знакомые слова. Учиться на отлично – можно, но поступить на журналистику в МГУ – нельзя... Управиться с чьим-то капризом – можно; со своим – нельзя... Появиться на свет без родителей – нельзя: жить на свете без родителей – можно... Кому-то проезжать на красный свет – нельзя; а кому-то можно... Тосковать по погибшим родителям – можно, а погибшим родителям по тебе – нельзя... Призывать людей селиться в песках Газы – можно, а потом, оказывается – нельзя...»

– Моя версия, – продолжил следователь, – может выглядеть примерно такой: «В ту минуту, когда солдаты армии обороны Израиля пришли передать решение правительства об эвакуации поселенцев с территории Гуш-Катиф, тебя обнаружили лежащим вдоль ворот Кфар-Даром. Ты лежал на

голой земле и, не позволяя солдатам пройти, наигрывал на губной гармошке какую-то печальную вещицу этого...

– Шопена! – подсказал Виктор.

– Ну, да! – с натугой проговорил следователь и поджал губки.

Наступила тишина.

«Уснул», – подумал о следователе Виктор и прошептал:

– Отрывок из второй сонаты си-бемоль минор.

Следователь приподнял бровь.

– Так называемый «Похоронный марш» – уточнил Виктор и, чтобы вывести следователя из состояния задумчивости, немного покашлял.

– Зачем ты это... – вдруг подняв голову, спросил следователь. – Зачем «похоронный»?

Виктор пояснил:

– В знак выражения скорби и печали.

– Скорбь и печаль?

– Похороны вызывают скорбь...

– Похороны? – обомлел следователь. – Какие похороны?

– Разве солдат послали не для захоронения Кфар-Даром?

Бровь следователя опала, а ротик сказал:

– Ошибочно, голубчик, анализируешь... Ошибочно...

Изобразив на лице испуг, Виктор упавшим голосом спросил:

– Такое излечимо?

– Не лечатся лишь болезни... – слышался ответ.

Виктор облегчённо вздохнул, а следователь недовольно засопев, предложил:

– Для тебя же, хороший мой, будет лучше, если прислушаешься к тому, что говорю тебе я. Ты вот подумай!..

Виктор подумал и пообещал поступить как лучше.

– Так вот, – следователь перевёл взгляд на свисающую с потолка лампочку, – заметив приближающихся к воротам солдат, тебя, голубчик, охватило свойственное порядочному гражданину позитивное волнение, вследствие которого у тебя внезапно подвернулась нога. Не в силах самостоятельно подняться, чтобы поприветствовать воинов, ты, лёжа на земле, корчился от боли и с досады выкрикивал ужасно нехорошие слова; и тогда солдаты, бережно приподняв тебя с земли, перенесли в машину с надписью «Polic». Ну, а Polic в свою очередь не менее любезно доставила тебя, драгоценного, к сидящей в постели девушке по имени Анна. Всего лишь это...

Виктор прикусил губу.

– Я говорю правду? – задержав взгляд на побелевшей губе Виктора, ухмыльнулся следователь.

Виктор губу освободил:

– Ну, да! Только любопытно – какую из них?

Глаза следователя беспокойно забегали, ротик поинтересовался:

– Разве правда бывает не одна?

– Две, – сказал Виктор. – Одна – та, что у всех на слуху,

а вторая – та, что вслух не произносится.

– Зря ты так... – укоризненно заметил следователь. – Я помочь пытаюсь...

– Одной из правд?

– Одной из версий. А ты, родненький, используй её... И помоги следствию изложением фактов.

– Правдивых?

– Только!..

Виктор принялся излагать:

– После того, как машина Polic доставила меня к Анне, мы провели вместе ночь, а под утро появились люди из Polic и сказали, чтобы я одевался и следовал за ними. Оставив сидящую в постели Анну, я оделся и последовал за ними. По дороге один из людей Polic много смеялся, уверяя меня, что тюремная камера мне больше к лицу, нежели комната Анны.

– Хватит, сладкий мой, ты лучше скажи, зачем ты отмочил Это?..

«Милый вопросик!» – подумал Виктор, и проснувшийся в нём студент-философ проговорил:

– Следствие вытекает из причины...

– Вот-вот, – приободрился следователь, – необходим, так сказать, мотивчик, некий импульс... Именно мотивчик меня интересует... Так сказать, Cui bono?..

Виктор проделал в воздухе неопределённый жест рукой и попросил позволения подумать.

Следователь позволил.

– Порой, – растягивая слова, сказал Виктор, – я ловлю себя на невыносимо сложном труде заставить себя поверить в то, во что не верю... Даже в том случае, когда мой уважаемый дядя пытается убедить меня, что так **НУЖНО...НУЖНО ОЧЕНЬ...** Конечно, я понимаю: веление часа, долга и всякие другие веления... Глупо со всем этим не считаться... Но всё же, когда газеты разъясняют, что меня обманули нехотя, лишь вследствие того, что прежде – Это было **НУЖНО, ОЧЕНЬ НУЖНО**, я чувствую себя так, будто в мои уши влили стакан уксуса, а когда мне говорят, что зато теперь в Этом больше никакой необходимости нет, то я...

– Короче, редкий ты мой... – перебил следователь. Мышца на его переносице напряглась и застыла. – Излагай короче и, по возможности, яснее... Сосредоточься на мотивчике... Понимаешь?

– Сui bono?

– Ну да... Прошу тебя!

Виктор, понизив голос, спросил:

– Просите или приказываете?

– Прошу! – громко, даже очень громко, сказал следователь.

Виктор молча посмотрел на стаканчик с карандашами, потом на лампочку под потолком.

– Что же ты?

– Я вот думаю, – ответил Виктор, переведя взгляд на губки следователя, – чем ваша просьба отличается от приказа...

– Подумал? – спросил следователь.

Виктор кивнул.

– Вот и отвечай!

– Меня вынудили! – сказал Виктор.

Из груди следователя вырвался удовлетворённо-радостный стон, а торопливые губки пролепетали:

– Ну-ка, ну-ка, а теперь подробнее, голубь ты мой!..

«Подробнее в трудах Жан-Жака Руссо...» – подумал Виктор и сказал:

– Преступник – не я!

Следователь сощурил глаза, энергично потёр ладони и даже чуть привстал с места.

«Кажется, – предположил Виктор, – он собирается спеть что-то патриотическое».

– Разумеется, не ты! – торопливо выдохнул следователь. – На самом деле преступник тот, кто тебя вынудил... Ты же не станешь его поощрять?

– Его – нет! – отозвался Виктор.

«То-то!..» – подумал следователь и, раскрыв ротик, вкрадчиво проговорил:

– И укрывать его тоже не станешь?

– Ни в коем случае... С тех пор, как я понял... – Виктор снова прикусил губу.

– Кто же он? – ласково спросил следователь.

Виктор прошептал:

– Моё правительство... То есть, я считаю, что если пра-

вительство десятки лет оболванивало полстраны, то оно...

Следователь побледнел.

Немного выждав, Виктор продолжил:

– А ещё я понял, что политики – это слепцы, указывающие путь незрячим...

У следователя дёрнулся подбородок.

– Так считаешь ты или ещё кто-то? – в голосе следователя послышалась растерянность.

– И я, и ещё полстраны...

– Философствуешь? – определил следователь.

На губах Виктора выступила смущённая улыбка.

– Мы с вами лишь размышляем, не так ли?

Следователь голову опустил.

«Смутился!» – решил Виктор.

– Ну, да, размышляем, – сказал следователь, – только каждый из нас по-разному.... – О чём же ещё беседовал с тобой раввин Иосеф?

– В основном о том, кому Создатель симпатизировал более: Аврааму или Моисею?

Следователь страдальчески сморщил лицо, зябко поёжился и усталым движением руки указал на дверь.

Виктор поднялся со стула, спросил:

– Думаете, солдаты решатся штурмовать Кфар-Даром?

Следователь молча кивнул на дверь.

– Я тоже хочу понять Cui bono? – доверительным тоном проговорил Виктор.

До двери оставалось три-четыре шага, когда следователь выкрикнул:

– Лучше бы ты подумал над тем, чем займёшься дальше?
Виктор обернулся.

– Буду жить! – сказал он. – Если позволите...

Дверь открылась. В коридоре ждал полицейский...

...После молитвы Виктора, в зале суда выступили прокурор, адвокат и три свидетеля, а в конце заседания, сморщив щёчки и повернув голову к подсудимому, торопливо поднялся со своего кресла судья. В его взгляде не было ни жалости, ни презрения, ни сострадания, ни даже интереса. Сухим, чуть трескучим голосом, он зачитал вердикт, смысл которого сводился лишь к одному: «Пускай убирается!»

Виктор ощутил, как его мозг закипает от сладостной мысли: славная судебная система Израиля посчитала необходимым решительно заняться им, а то, что в результате вышел конфуз, так ведь не секрет, что именно небольшие конфузы как раз и характеризуют великие государства.

Вернув позолочённую кипу приставу, Виктор повернул голову к судье и сдержанно, не очень громко похлопал в ладоши, потом низко поклонился полицейскому, открывшему перед ним боковую дверь, и поспешил к женщине, которую две недели назад оставил сидящей на постели.

Беер-Шева, 16-ое августа, 11.40.

– Как ты? – спросила Анна.

– Подустал и, вроде бы, состарился... – ответил Виктор.

– Как это? – изумилась Анна.

– Бывает... Иногда случается преждевременная смерть, а иногда – преждевременная старость... А как ты?

Анна сидела в кровати, близкая, жаркая, светлоокая и рассеянно слушала телевизор. Кивнув на экран, она сказала:

– У меня от всего этого болят мозги.

Виктор возмутился:

– Срам-то какой! Антинаучный феномен! Сам по себе мозг боли никак не испытывает...

Анна обиделась.

– Откуда тебе знать?

– Об этом знают даже врачи... – Виктор стал разглядывать голые плечи Анны.

– Не понятно, – сказала Анна, продолжая смотреть на экран, – о чём это они говорят.

– Они не говорят, а лгут, а я спросил: «Как ты?»

Анна встряхнула головой.

– Что я должна сказать?

– Скажи, что у тебя всё в порядке!

– У женщин «всё в порядке» не бывает! И вообще... Если эти, что в телевизоре не могут, тогда объясни мне ты, что вокруг нас происходит?

Виктор поцеловал Анну в плечо.

– Происходит не у нас... – сказал он. – Происходит в Пакистане, в Латвии, в Венесуэле, а тут – как обычно... Самоистязание карликовой державы...

Анна выключила телевизор.

– Ты не звонил... – сказала она. – Две недели ты не давал о себе знать...

– Я помнил о тебе...

– Не утомился помнить?

– Нисколько!

– Тебе можно верить?

– Меня загнали в камеру с каким-то сумасшедшим...

– А ты?

– Что я?

– Ты разве иной?..

– Считаешь меня сумасшедшим?

– Судя по твоему поведению в Кфар-Даром, то...

Пожав плечами, Виктор отвернулся.

– Что уж там... – сказал он. – Это – как играть в баскетбол: не передал мяч другим, будь добр, бросай в корзину сам... А попал в кольцо или нет – ответственность на тебе... Когда солдаты приблизились к воротам с требованием, чтобы поселенцы готовились убраться из своих домов, во мне восстал

бес. Я почувствовал, что готов взорвать и несчастных солдат, и самого себя...

– Баскетбольным мячом?

– Нет, не мячом...

– Может, своей губной гармошкой?

– Нет, Анна, разве гармошкой взорвёшь?..

Анна устало улыбнулась.

– Было чем взрывать?

– Нет, но очень хотелось...

– Тебе сколько лет?

– Двадцать три, а что?

– Прожил полжизни, а такой осёл! – объяснила Анна.

– Я очень не хотел, чтобы солдаты...

– И тогда ты сам решил бросить в корзину мяч?..

– Я достал из нагрудного кармана губную гармошку.

– Осёл!

– Я?

– Ненормальный!

– Это законно!

– Что?

– Нет такого закона, обязывающего человека быть нормальным, если он ненормальный. Но клянусь – я не специально...

– Что ты не специально?

– Я ненормальный – не специально...

– Сумасшедший!

– Прежде ты не говорила такое...

– Прежде я не понимала, что... Ты пропадёшь... Рано или поздно, ты плохо кончишь...

Виктор промолчал.

– Пропадёшь... – повторила Анна.

– Ты так думаешь?

– Те, кто не знают, как жить, в конце концов, пропадают...

– Ты знаешь, как жить?

– Луна...

– Что?

– Жить надо, как луна, которая бесшумно скользит себе в серебряном окружении звёзд, не догадываясь, что к утру погибнет...

– Как луна не смогу, – сказал Виктор. – Поздно!.. Кое о чём я уже догадываюсь...

– Теперь тебя вышвырнут из Университета?

– Могут...

– Вот как? И кем же ты станешь тогда?

– На какое-то время другим...

– «Другим» – это как?

Виктор пробормотал что-то невнятное.

– Сказал какую-то гадость? – предположила Анна.

– Может, сказал... – отозвался Виктор. – В моей голове всего лишь три извилины...

– Три?

– Три.

– А сколько должно быть?

– Четыре.

Анна посмотрела на Виктора очень долгим взглядом.

– Отчего бы, – прошептала она, – отчего бы тебе не остаться таким, каким был прежде?

– Как луна не смогу, – повторил Виктор. – После того, как кое о чём догадываюсь...

– Раньше ты умел не догадываться, – сказала Анна.

– Раньше не догадывалось полстраны...

– Но...

Виктор развёл руками.

– Возможно, – сказал он, – я ещё переменюсь. Медики говорят, что организм человека обновляется каждые семь лет. Правда, в какую сторону, лучшую или худшую, они не говорят...

– В худшую – не получится, – заметила Анна, – иначе это не будет считаться переменной. Боюсь, что...

– Виктор потребовал:

– Немедленно сплюнь! Когда чего-то боишься, то это «чего-то» случается непременно...

Анна торопливо отвернулась, сплюнула. Через минуту сказала:

– Всё равно страшно.

– Тогда сплюнь три раза.

– Три раза?

– Можно больше...

- Ты в это веришь?
- Конечно!
- А я нет ...
- Надо веровать!..
- Кто тебе такое сказал?
- Господь Бог нас призывает...
- Он – не в счёт!
- Как это не в счёт?
- Он – заинтересованное лицо.
- Он мой приятель... Мои приятели вне подозрений!
- Прошу тебя!
- О чём, Анна?
- Будь осмотрительней... Сделай над собой усилие...
- А вдруг утомлюсь?
- Отдохнёшь... По дороге...

Внезапно Виктора охватило чувство тоски. Взглянув на голые ноги Анны, он осторожно предложил:

- Может, слепим ребёночка?
- Как это?
- По известному рецепту...
- Ты имеешь ввиду...
- Вот именно!

Анна рассмеялась. Она смеялась очень громко, и Виктор попросил:

- Уймись!

Анна унялась и сказала:

– В шестой главе «Бытия» сказано: «Истреблю с лица земли людей, которых Я сотворил, ибо Я раскаялся, что создал их».

– Это было минутной слабостью Создателя, – заметил Виктор. – Позже, передумав, Он принялся клонировать людей с ещё более яростным рвением, чем прежде...

– Ты что, совсем охренел? – спросила Анна.

– О-о-о-о-о! – вскрикнул Виктор.

– Что означает это бляенье?

– Прости, пожалуйста, но, так я выражаю наивысшую степень своего восхищения... Кстати, в тюремной камере я обучился слову, которое тоже начинается на «о» и оканчивается на «ел»!

Анна поднялась с кровати, неторопливо прошлась по комнате и спросила:

– Я плохо выгляжу?

– Неплохо!

– «Неплохо» – это как?

Виктор пояснил:

– «Неплохо» – это лучше, чем «плохо»

– Но хуже, чем «хорошо»?

Виктор досадливо поморщился, подумав: «Все мои девушки, как правило, сильно отличались друг от друга, но стоило им обнажиться, как тут же выявлялось их удивительное между собой сходство».

Взгляд Виктора показался Анне странным.

– Что-то не так? – спросила она.

Виктор подошёл к Анне и, заглянув в глаза, взял за плечи. Потом усадил на кровать. Потом уложил. Потом, подумав, что делает совсем не то, что хотел бы делать, посадил снова. Потом решил: «Не понимает она»

– Ответь, пожалуйста! – просила Анна. – Что-то не так?

Виктор опустил голову; в эту минуту он узнал, что к Анне не вернётся.

– Ответь!

Оставив на стуле квартирную плату за месяц вперёд, Виктор отошёл к двери.

– Уходишь? – спросила Анна. – Уходишь вот так?

– А как уходят?

Анна вжалась в постель.

– Тогда иди... – проговорила она.

Покачав головой и подумав «как луна не умею», Виктор надавил на дверную ручку. Его неприятно будоражило. Всякий раз, расставаясь с женщинами, его неприятно будоражило.

* * *

Беер-Шева, 16-ое августа 2005 года, 13–20

Горячий воздух налипал на нос и щёки, а на залитые солнцем улицы Беер-Шевы было больно смотреть. На краю тро-

туара несколько человек ждали автобуса. Виктор заглянул в лица людей, пытаясь обнаружить на них мысли, напоминающие о завтрашнем дне, или хотя бы угадать, кто «наш», а кто «не наш». Ничего Этого лица не выражали. Виктор отступил в тень брезентового навеса над мебельным магазином и суетливым движением пальцев отстегнул на рубашке ещё две пуговицы. «Завтра...» – ни о чём другом, кроме как об Этом, не думалось. «В какой-то сотне километров от Беер-Шевы готовится преступление, – подумал он, – а эти граждане...».

Виктор вышел из-под навеса, убеждая себя, что выражение на людских лицах – это ещё не показатель, зато бегущие по мостовой автомобили с оранжевыми ленточками на антеннах утешали, вызывая в нём радостное чувство и уверенность. «Эти-то – наши...» – Виктор с удовольствием повёл счёт проезжавшим мимо него автомобилям с оранжевыми лентами: один, два, четыре, семь, двенадцать... «Наши – выстоят!» – твёрдо подумал он и в нагрудном кармане потрогал губную гармошку.

«Надо бы сыграть что-нибудь торжествующее?» – решил он.

Передумал.

«Ещё не время...».

«Завтра!..»

Рядом, широко размахивая руками, прошли три парня в чёрных лапсердаках и чёрных широкополых шляпах; они яростно спорили между собой – каждый пытался дать свой

комментарий какой-то цитате из священного писания. «У них – ихнее...» – подумал Виктор.

Высокий старик, стоя посередине тротуара, прокричал: «В помощь сиротам!.. Вам зачтётся!..» На старике был серый в тонкую белую полоску пиджак, синие джинсовые брюки и сандалии на босу ногу. В руке он держал жестяную банку, на крышке которой была проделана узкая, но вполне заметная щель.

«Забота о сиротах через щель», – подумал Виктор и опустил пять шекелей.

Впереди мигнул зелёный глаз светофора, но, немного переждав, густо покраснел. Виктор отвёл взгляд. «Зелёный – можно; красный – нельзя. Живём, согласно указаниям светофора...»

На углу, возле лотка с бананами, мужчина, оторвав глаза от газеты, торопливо глядел по сторонам опасливым, растерянным взглядом, а стоящая возле него женщина, безвольно опустив руки, упорно глядела себе под ноги. «Мужчина, должно быть, «из наших», – предположил Виктор, – а она – чёрт знает...»

Со стороны пустыни, таща на себе высохшие апельсиновые корки, пустые пластмассовые банки, обрывки газет, в город прорывался горячий ветер.

Мужчина протёр глаза, его лицо страдальчески напряглось.

«А я тебе говорю, что они не посмеют!..» – сказал он и

вдруг, ухватив женщину за плечо, легонько встряхнул её.

«Ты много чего говоришь...» – вяло отозвалась женщина.

Она продолжала смотреть себе под ноги.

«Не позволим...», – подумал Виктор и ударом ноги отбросил пластмассовую банку. Та с шумом отлетела в сторону.

«Завтра... – думал Виктор. – Через какой-то десяток часов – настанет завтра...»

За спиной послышался скрипучий голос:

– Развлекаешь себя?

Виктор обернулся.

Остроногая старушка с дряблыми щёчками, вытянув далеко вперёд шею, впиалась сердитым взглядом.

– Вроде бы! – признался Виктор.

– Ужас и только! – старушка съёжилась.

– Что? – ошеломлённо спросил Виктор. – Что ужас?

– Всё, что вокруг... – ответила старушка. Присев на выступ тротуара, она закурила.

Виктор оглянулся вокруг, подумал: «Что есть, то и есть...»

У молоденького полицейского он спросил: «Как дела?».

Полицейский поднял глаза.

– Чего тебе?

Виктор свой вопрос уточнил:

– Ты наш?

Полицейский устало вздохнул.

– С головой в порядке? – спросил он.

– А какой сегодня день?

– Солнечный!

– Если день солнечный, тогда в порядке...

Полицейский поперхнулся, вобрав в себя, видимо, лиш-
ний глоток воздуха. Отдышавшись, сказал:

– Убирайся!

Лоб Виктора покрылся испариной.

– Не наш... – с тоской проговорил Виктор.

Полицейский невесело посмотрел по сторонам.

– Ты мне? – спросил он.

Виктор тоже посмотрел по сторонам.

– Убирайся! – повторил полицейский.

– Куда?

– В одно место!

– Уже был!..

– Тогда иди в... – полицейский не договорил.

Виктор повернул туда, откуда доносилась музыка.

В крохотном ресторанчике, напоминавшем узкий коридор железнодорожного вагона, стояли три прижатых к стене столика. Виктор сел за тот, который у входа.

«Пиццу с грибами и стакан томатного сока», – попросил он.

Телевизор был настроен на CNN. Показывали охоту в Кении, потом по экрану забегали туристы из Сан-Марино, потом сообщили о курсе доллара, потом представили на обозрение казино Лас-Вегаса, яхты в Эгейском море, длинные

чёрные Роллс-Ройсы на международной автомобильной ярмарке, шумную оргию в Барселоне и снова охоту в Кении.

«CNN до нас так же, как нам до CNN», – подумал Виктор и спросил:

– А если переключить?

На другом канале шла передача об эвтаназии, а на следующем – старые снимки из Сербии.

– Американцы бомбят Белград, – сказал человек за стойкой. – Как-то некрасиво!..

– «Некрасиво!» – это всё, что ты можешь сказать?

– А что ещё?

Виктор немного помолчал. Потом сказал:

– Учёные считают, что продолжительное сидение перед телевизором ведёт к слабоумию...

– Понял! – сказал человек за стойкой и, выключив телевизор, вставил видеокассету.

– Кто поёт? – спросил Виктор.

– Я! Старая запись... Ария Жермена из «Травиаты»... Прежде пел в опере города Новосибирска, а теперь, как ты понимаешь, я тут...

«В заднице!» – мысленно договорил Виктор; откусив от пищи и утерев губы бумажной салфеткой, вслух заметил:

– Весело здесь!

Человек за стойкой покачал головой, убавил звук и, подмигнув обоими глазами, печальным голосом проговорил:

– Теперь, повсюду некрасиво, зато весело...

– Будет красиво! – пообещал Виктор.

Глаза человека за стойкой увлажнились.

– А у меня тоска... – сказал он.

– Тоска? – Виктор сделал недоумённое лицо. – Любопытно, на что она похожа?

– Не знаю, – ответил мужчина. – У тоски нет ни цвета, ни запаха... Тоска – она и есть тоска... Может, я просто недоуёма?

Виктор посоветовал:

– Себя лучше не оговаривать.

– Нет?

– Нет!

– А что лучше?

– Оговаривать других...

Человек за стойкой задумчиво посмотрел на Виктора.

– Боюсь я этой страны, – вдруг сказал он. – Боюсь я здесь, и всё тут...

– Тут весело, – сказал Виктор.

Мужчина покачал головой.

– Кажется, это бездумное веселье оплачиваем не мы...

Субсидированная, так сказать, жизнь... А ещё мне кажется, что жить надо не так...

Вытянув шею, Виктор спросил:

– А как – так?

– Иначе... Мой приятель собирается осесть в Штатах. Я его спрашиваю:

– Что хорошего в Штатах?

– Хотя бы тем, что они отсюда далеко, – говорит он.

– А ты как считаешь?

– Я считаю, что там живут славные ребята, только гадость это, что они возомнили из себя циркачей и теперь всем миром жонглируют... И нами, кажется, тоже...

Виктор скосил глаза, надул щёки и немного посвистел.

Жермен продолжал свою арию.

Человек за стойкой стал молча протирать бутылки.

Люди входили и уходили. В основном – мужчины с задумчивыми лицами. Подходя к стойке, они молча выпивали рюмку-другую и возвращались на улицу. Вошёл коротко постриженный мужчина с длинноногой девушкой. Они сели за соседний столик.

Узнав в мужчине поэта Михаила Кренделева, Виктор решил было встать и поклониться, но вдруг передумал, опасаясь, что его могут неверно истолковать.

– Хотим винцо? – спросил поэт.

– Хотим! – ответила девушка.

– И поговорить о Боге?

– Да, о Боге! – под чёрной полоской юбочки вздрогнули колени, а вместе с ними и оранжевый треугольник трусиков.

– Замечательно! – поэт Кренделев откинулся на спинку стула и, запрокинув голову, воскликнул:

– Бог есть любовь!..

Девушка приоткрыла ротик и прерывисто задышала.

– Бог есть любовь!.. – повторил поэт и вдруг, словно подбросив слова в воздух, выкрикнул: «Бог ест любовь!..»

На мгновенье девушка замерла, а, придя в себя, попросила:

– Миша, в слове «есть» верните, пожалуйста, на место «ь»!

Лицо Кренделева исказила судорога.

– Пошла вон! – очень громко и очень внятно проговорил поэт. Он посмотрел на девушку так, словно заглянул в холодное дно ущелья, а в ответ девушка посмотрела так, словно вдруг поняла, что со дна ущелья ей уже не подняться.

– Вон! – повторил поэт.

Окаменев, девушка оставалась в ущелье неподвижной и холодной.

– Тогда я!.. – вскочил со стула Кренделев. К выходу он шёл неземной, а, казалось, парящей в воздухе походкой.

Человек за стойкой резко усилил звук, и теперь несчастный Жермен уже не умолял Виоллету оставить Альфреда в покое, а орал на неё во всё горло...

– Не так выразительно! – попросил Виктор. – Позвольте девушке умереть спокойно!..

– Сейчас! – сжалившись над Виоллетой, человек за стойкой кассету убрал.

Подсев к девушке, Виктор представился?

– Я – Виктор! Тебе обещали вино?

– Обещали!

– Нам вино! – сказал Виктор к бывшему оперному певцу.
Вино было кислое и тёплое.

– По Кренделеву с ума сходишь? – спросил Виктор.

– Схожу! – призналась девушка.

– А я нет! – признался Виктор.

– Шутишь?

– Нисколько! Ты живёшь у него?

Девушка покачала головой.

– Моё жильё – мир творчества! – сказала она.

Виктор жильё одобрил, и они молча выпили по рюмке розового муската.

– Думаешь, Кренделев – нормальный? – спросил, наполняя вторую рюмку, Виктор.

– Так ведь он – поэт... – сказала девушка. – Философ Герокрит говорил, что нельзя считать настоящим поэтом человека, находящегося в здравом уме.

Виктор внимательно оглядел девушку. Его будоражило. Всякий раз, когда он знакомился с новой женщиной, его будоражило.

– Что? – девушку смутил странный взгляд. – Приболел?

– Перегрелся! – ответил Виктор, а потом озабоченно добавил: «А ведь и ты тоже неважно выглядишь...».

Девушка опустила глаза, отпила ещё.

– Я умру? – осторожно спросила она.

– Все мы умрём, – сказал Виктор.

– Кажется, я запуталась.

– В чём?

– В себе.

Немного помолчав, Виктор сказал:

– От этого не умирают!

– Нет?

– Нет!

– Глупый ты! – сказала она.

– И от глупости не умирают! А ты, собственно, кто?

Она сказала:

– Студентка. Перевожу Шекспира с молдавского на украинский. Ты тоже студент?

– Временно был.

– Временно?

– Прогнали меня временно. Надеюсь, что временно...

– За что прогнали?

– За убеждения...

Девушка опустила под столик руку, оправила юбчонку и, сощуриив глаза, сказала:

– Как интересно! Убеди меня...

– Тебя? В Чём?

– Какая разница?.. Женщинам необходимо, чтобы их убеждали...

Виктор взглянул на столик, на котором остывал остаток его пиццы.

– Теперь многих прогоняют... – сказал он.

– Ты о тех, которых...

– О них...

Девушка заглянула в бокал.

– Это ужасно! – сказала она. – А ты? Что ты собираешься делать?

– Детей!

Бокал был пустой.

– Потрясающая цель! – заметила девушка.

– Не цель, а идея.

– Прошу прощения! К чему тебе дети?

– Будет, кого угощать мороженым.

– Угощай мороженым меня.

«Не понимает» – подумал о девушке Виктор.

Подойдя к человеку за стойкой, он расплатился за вино, пиццу, томатный сок и, не произнеся ни слова, вышел на улицу.

Послеобеденная жара обволакивала город, и уставшие за день воробьи, устроившись на телеграфных проводах, взбадривали себя короткими взмахами крыльев. Три толстых голубя, забравшись под скамейку автобусной остановки, жадно набросились на что-то съестное. Виктор остановился и стал наблюдать за голубиной трапезой, а потом, бесстрастно махнув рукой, пошёл дальше.

Теперь улицы казались потерянными и ненужными, и торговцы ларьков усталыми, сорвавшимися голосами выкрикивали нескончаемые проклятия. Собирая с прилавков непро-

данные за день овощи, они сбрасывали их в грязные картонные коробки. Пахло рыбой, укропом, пряностями и ещё всяким иным. На одном из этажей дома, покрашенного в бледно-зелёный цвет, вздрагивала надтреснутая рама. На краю тротуара возле двух коричневых металлических бака, набитых мусором и пищевыми отбросами, испугано озираясь по сторонам, шныряли коты. Издалека, оттуда, где рынок, доносился запах овец и верблюжьего навоза.

«Они не понимают!» – подумал Виктор об Анне и о девушке из мира творчества.

На скамейке лежала кем-то оставленная газета.

«Пошли со мной!» – предложил Виктор газете и, развернув её, стал читать всё подряд, а потом он аккуратно оторвал и положил в задний карман брюк страницу, в которой были объявления о сдаче комнат.

Возбуждённо бормоча, два вертолёт прорвали вечернюю гладь неба и, набрав высоту, повернули на запад.

«И мама не понимает...» – Виктору вспомнились строчки из её письма: «О тебе и о брате думаю... О его сражениях, и о твоём покое... И еще о...».

С крышки мусорного бака вместе с куском газеты «Юг» свалился котёнок, и пробежавший мимо большой коричневый пёс резко остановился. Округлив налитые кровью глаза, пёс с изумлением взглянул на прижавшееся к газете юное создание, а затем, чуть приоткрыв пасть, о чём-то внушительным голосом пролаял. Видимо, различив в лае непри-

личное слова, кошечка, как и подобает юной девице, смутилась, стыдливо отвела ушки в стороны и, задрожав всем тельцем, помочилась на газету с портретом государственного секретаря США. Подобное поведение малышки не могло не привести пса в недоумение, как бы там ни было, пламя в его глазах разом погасло и, широко раскрыв пасть, он разочарованно зевнул, отвернулся и побежал дальше.

«Какая прелесть! – Виктор задумчиво взглянул на мутную лужицу, оставленную на газете, и вдруг поймал себя на мысли, что восхищён мужеству котят: «Только лишь эти чудачки могут решиться на такой завидный поступок: взять и запросто помочиться на сильных мира сего...».

Потом раздумья Виктора перенеслись на собак: «А вот эти – совсем как мы: разные и друг на друга не похожие. Одни – мрачно-молчаливые или глуповато-шумливые, другие – услужливо виляющие хвостиком или охотно обнажающие грозные клыки; иногда попадаются сладкие романтики с масленичными глазками, а ещё такие, как вот этот наглец, глаза которого готовы в любую минуту налиться кровью, но чаще встречаются такие, которые не по делу рычат или без дела скулят.

Виктор подумал об Анне и о поиске нового жилья.

По скучным окнам зданий бегали солнечные зайчики, и Виктор, угрожающе направив в их сторону указательный палец, тихо прокричал: «Пиф-паф!». Но зайчики не умирали. Тогда Виктор направил на них два указательных пальца, но

«выстрел» не состоялся – отвлѣк сигнал автомобиля.

– Как проехать в Димону? – спросил водитель. На нём была белая кепка с широкими полями.

Виктор объяснил.

– Надо же!.. – водитель скосил злобный взгляд на сидящую рядом девушку.

– Счастливого пути! – сказал Виктор.

Взревел мотор.

– Эй, земляк, – просунув голову в окно, прокричала девушка по-русски, – не узнал?

– Нет! – признался Виктор.

– А ты расслабься!

– Ну, расслабился...

– Ведь ты из Вильнюса?

– Точно!

– Я сразу узнала. Ты стихи читал у нас...

– У вас?

– В детдоме над рекой. Вас было трое...

– Было дело... – сказал Виктор. – Нас от школы посылали... По разным объектам... Как живѣтся?

– Потихоньку! Как же ещё жить?

– Можно в припрыжку! – объяснил Виктор.

– В припрыжку живѣт лошадь, – сказала девушка, – или тот, кто блохой укушенный...

Водитель выключил мотор, закурил сигарету и, явно подчёркивая чувство брезгливости, вызванное, видимо, звуча-

нием непонятной ему речи, стал разглядывать Виктора в упор. Взгляд Виктор выдержал, пытаясь угадать, кто перед ним: удав или козлик.

– Он – кто? – спросил Виктор у девушки.

– Близкий знакомый.

– Насколько близкий?

– На расстоянии пушечного выстрела, – ответила девушка.

Виктор кивнул.

– Теперь мы не в Вильнюсе, а тут... – сказала девушка. – Как тебе тут?

– Отлично!

– Врёшь, наверно?

– А тебе как?

– Терпимо... – девушка пожала плечами. – В Димоне у меня знакомая... Вот, к ней этого аборигена-козла везу... Лоток у него в Кирьят-Гате... Соленья, шварма и всякое такое...

Виктор взглянул на водителя: широкоплечий мужчина лет сорока с кирпично-красным лицом и огромным животом. Просунув в раскрытое окно голову, он громко сопел, а его лицо было покрыто пятнами недоверия и тревоги.

«Отчего это у него?» – подумал Виктор, но поймал себя на мысли, что в последние недели он и сам поглядывает на окружающих с некоей долей недоверия и тревоги.

– Это нормально! – вырвалось у Виктора.

Не выпуская изо рта сигарету, водитель опасно огляделся по сторонам и сквозь зубы процедил:

– Что-то не понял...

Виктор улыбнулся.

– Нормально, – повторил он, – всё нормально!

– Оставь ты его, – сказала девушка, – пускай себе пасётся...

– Весёлая ты! – сказал Виктор.

– А тебе кто мешает?

Виктор молча развёл руками.

– Не бери в голову, – сказала девушка.

– Ладно!

– Моя приятельница говорит: «Не бери в голову, бери куда надо!...»

– Замечательная у тебя приятельница, – Виктор вдруг рассмеялся.

– Ты чего? – спросила девушка.

– Прости! – с трудом подавляя смех, сказал Виктор. Ему вспомнился Дулько, его сменщик с заправочной станции, который любил повторять: «Если женщина отдаётся мужчине за деньги, выходит, она вовсе не подарок!»

– Ты чего? – повторила девушка.

– Ценная у тебя приятельница, – сказал Виктор.

– Ну, да... Сунь-и-вынь зовут.

– Китайка, что ли?

Девушка весело покачала головой:

– Корейнка... Умница... На днях сказала, что очень скоро, с Божьей помощью, в Димоне осядет сотня-две приличных клиентов. Солидная прибыль...

– Чего так?

– Газеты читаешь?

– А что?

– Завтра правительство сотрёт Гуш-Катиф в пыль, ну и...

Отступив на полшага в сторону, Виктор проговорил:

– Не дождутся! Ни правительство, ни твоя знакомая... А тебе удачи!

– И тебе! – отозвалась девушка.

Сплюнув окурок на землю, водитель торопливо крутанул ключ зажигания. Машина, словно испуганная коза, сорвалась с места.

«У Анны вещи заберу послезавтра», – решил Виктор.

Прислонившись к стене кирпичного сарая, стоял старик-бедуин и жевал лепёшку.

– Мир тебе! – сказал Виктор.

Продолжая жевать, бедуин приподнял голову.

– День отработал? – спросил Виктор.

– А ты?

– Моя работа ночная!

Бедуин достал изо рта то, что осталось от лепёшки, и засмеялся.

– Ты чего? – спросил Виктор.

Бедуин не ответил. Только рот прикрыл.

Виктор прошуршал газетой.

– Правительство хочет, чтобы мы завтра убрались из Гуш-Катифа... Что ты на это скажешь?

Бедуин молчал.

– Наше правительство нас прогоняет...

Бедуин вернул остаток лепёшки в рот.

Виктор спросил:

– Как тебе такое?

Бедуин жевал лепёшку.

– Прогоняет правительство! – повторил Виктор.

Бедуин жевал лепёшку, закрыв глаза.

– Тебе понятно, о чём я говорю?

Бедуин не ответил.

«Уж он-то понимает!» – подумал Виктор и спросил:

– Почему молчишь?

Бедуин приоткрыл беззубый рот и виновато улыбнулся.

– Жуй, папаша, питайся! – сказал Виктор и пошёл дальше.

С верхнего этажа жёлтого здания неслась песня «Эцли ха-коль бесэдэр»¹, и Виктор, взглянув на распахнутое окно, подумал: «Кажется, на землю уже сошла благодать, осталось лишь, чтобы к нам и справедливость опустилась...».

Остановив несколько прохожих, Виктор представился журналистом. «Не подскажите, – спросил он, – где пребывает справедливость?» Прохожие на улицах Беер-Шевы отнес-

¹ Со мною всё в порядке. (ивр.)

лись к вопросу Виктора со всей серьёзностью, более того, на какое-то время они погружались в глубокомысленную задумчивость, но точный адрес никто так и не указал.

* * *

Беер-Шева, 16-ое августа, 16–24.

– Где пропадал? – спросил Шульман, однокурсник Виктора по философскому факультету. – В Университете чешут всякое...

Виктор вкратце доложил о том, что делал он, и что делали с ним...

– Забавно! – отметил Шульман и добавил: «Пойдём ко мне в apartment, выпьем по drink, кондиционер включим, побеседуем. В apartment я теперь один...».

– А твоя невеста?

– Лея теперь не со мной, то есть, с тех пор, как на её лице появилось порочное выражение, я не с ней...

– Помню, Леино лицо тебе, вроде бы, нравилось.

– Нравилось... До тех пор, пока на нём не появилось порочное выражение.

– А как же с любовью?

Шульман сморщил нос.

– По-моему, данный предмет обсуждения не заслуживает! Этой штуке отдают слишком много чести и времени книги,

фильмы, оперы, а ведь всего-то дел: две пары губ, четыре руки, четыре ноги и кое-что между... Разве не так?

– Я подумаю! – пообещал Виктор. – На досуге...

– Сильно занят?

Виктор загадочно улыбнулся.

– Бедняга... – сказал он.

– Ты о ком? – удивился Шульман.

– О тебе! О ком же ещё?

– Разве не об этом парне, который сейчас с Леей?

Виктор скорбно опустил голову.

– Бедняга... – сказал он снова.

– А о ком ты сейчас?

– Сейчас я об этом парне. Что если и он тоже заметит на лице Леи порочное выражение?

– Будет очень прискорбно, но думаю, что это неизбежно...

Квартиру Шульмана вскладчину оплачивали родители из Ашдода, дедушка из Ашкелона и две тётки из Димоны. Нормальный потолок. Нормальные стены. Нормальный холодильник. Два стула, заваленные умными книгами: «Бытие и время» Мартина Хайдеггера, «Диалог между философом, иудеем и христианином» Абеяра, «О ничтожестве и горестях жизни» Шопенгауэра, «Я и Ты» Мордехая Бубера.

Покончив с осмотром комнаты, Виктор сказал:

– Твои родичи – святые люди!

– Да уж...

– А потому так странно...

– Что именно? – насторожился Шульман.

– Генетики утверждает, будто в глубинной сути индивидуума заложен некий код, передаваемый по наследству, но тогда почему в твоей личности не наблюдается даже намёка на святость?..

Шульман пояснил:

– Видимо, на сегодняшний день с генетической наукой что-то не в порядке... Выпить хочешь?

– По вечерам всегда... – ответил Виктор.

– Вино?

– Лучше водку!

– Тогда уж с закуской, – из холодильника были доставлены картофельные оладьи, тарелка крупных чёрных оливок и бутылка «Абсолюта».

После двух рюмок хорошо говорилось о науках вообще и о философии в частности, после следующих двух рюмок замечательно обсуждалась работа министра финансов, министра по культуре и образованию, правительства в целом. Позже перешли к положению дел во всём остальном мире, остановились на движениях антиглобалистов и «зелёных», посмеялись над работой метеорологической службы в Таиланде, а после очередной рюмки, Шульман спросил:

– Как с жильём?

– Три звёздочки, – отозвался Виктор, – хотя, по правде говоря, обслуживание на полторы...

Задумчиво опустили головы.

Виктор подумал об Анне. «Странно получается: была нужна, и вдруг не нужна. А может, вовсе и не вдруг?..»

Выпили ещё.

– Можешь пожить у меня, – сказал Шульман. – Переезжай хоть завтра...

Виктор покачал головой, проговорил:

– Завтра я буду с теми, кто обманут и поруган...

Выпили за обманутых и поруганных.

– К ним не присоединишься? – спросил Виктор.

– Нет!

– Нет?

– Не рационально... В конце концов, единственное, что останется после завтрашнего от Кфар-Даром, так это послезавтрашнее упоминание о нём в утренней газете, которую в тот же вечер можно будет обнаружить в мусорных ящиках...

– Заткнись! – попросил Виктор. – Ещё накаркаешь...

– Предвиденье – это проявление мудрости, а не карканье! – заметил Шульман. – Помнишь у Ницше: «Когда долго смотришь в бездну, бездна начинает смотреть на тебя».

Виктор мучительно задумался.

– Может, чтобы отвлечь себя от бездны, в штанишки написать?

– Да, да, – живо подхватил Шульман, – желательно в штанишки...

– Ни хрена!.. – внезапно оскалился Виктор. – Меня они достали... И меня, и сотни тысяч меня...

Шульман подставил ухо.

– Однако же, какая в твоём голосе агрессия! – отметил он.

Виктор кивнул, а для большей убедительности ещё и поскрежетал зубами.

Шульман ухо убрал, глотнул маслину и, закрыв глаза, будто католический духовник, выставил перед собой плотно сложенные ладони.

– Господи, прости овцу заблудшую! – попросил он.

– Ты чего? – нахмурился Виктор.

Голос Шульмана звучал торжественно и проникновенно: «И овцу и всех тех, кто её раздражает...». Господи, ведь Тобой сказано: «Да простится им, ибо они не ведают, что творят...».

– Ведают! – взорвался Виктор. – Ведают и ощущают! Боль знакома каждому... А творящий боль ближнему, непременно ведает... Я не овца... Я не стану жрать отраву, несущую в себе ложь и лицемерие.

– В чём же дело? – развёл Шульман руками. – Не хочешь жить во лжи – не живи! Другого блюда в меню планеты не предписано...

– А как же с правдой и справедливостью?

– Что с ними?

– Вот и я спрашиваю: «С ними что?»

– А-у-у-у-у? – оглядываясь по сторонам, прокричал Шульман и вдруг сообщил: «А их тут нет!»

– И что с того?

– Глупо рассуждать о том, чего нет... – Шульман старательно прожевал маслину и добавил: «В шестом Санхедрионе Талмуда сказано: «Там, где есть правда, нет мира, а там, где есть мир, нет правды...»

– Не понял!

Шульман тихо вздохнул и посоветовал:

– Яблочный сок пей – улучшает сообразительность.

– Достали они меня! – повторил Виктор. – Не терплю, когда меня пытаются зачислить в стан дураков, ещё больше не терплю оказываться в дураках добровольно, и совсем уж не выношу, когда меня держат за сучку, которую каждый кабель норovit меня вые...

Шульман пошевелил носом.

– Так ведь обманывают тех, кто обманывать себя позволяет... – сказал он.

– Себя? – вскинулся Виктор. – Кто это позволяет себя?

– Ещё не перевелись те, кто верят в самую большую человеческую нелепость – в возможность переделать мир.

– К чёрту!

– Можно и так... Налить ещё?

– Налей!

Молча выпили.

– Не знаю, – заговорил Шульман, – не знаю, кого и как ты собираешься наказать, но знаю точно, что твоя смута кончится для тебя лишь новым наказанием... Ты этого хочешь?

– Всё, чего я хочу, так это то, чтобы нас не дурачили...

Чтобы раз и навсегда перестали...

– Раз, возможно, и перестанут, но чтобы навсегда – такого быть не может...

Виктор заглянул в пустую рюмку.

– Налей ещё, – сказал он.

Шульман налил.

Выпили.

Помолчали.

– Не хочу, чтобы еврей еврея... – вдруг сказал Виктор.

– Что ж, не хоти!.. Возьми и вообрази, что лжи и несправедливости больше не осталось... Ну, что тебе стоит? Попробуйся вообразить...

– Вообразить?

– Всего лишь вообразить...

– Воображение поможет?

Шульман кивнул.

– Старик Мишель де Монтень утверждал, что некоторые вылечиваются от одного лишь вида лекарств...

– Да? А где взять такое лекарство?

– Сейчас, – рассмеялся Шульман, – сейчас выпишу...

– К чёрту! – отозвался Виктор, пристально взглянув на стул, заваленный книгами. – А пока?

– Что пока?

– Кроме как заниматься самообманом, мы что-нибудь предпринять можем?

– А как же! – радостно заметил Шульман. – Сейчас мы с

тобой можем выпить за оборону пространства Гуш-Катиф!

Тост был одобрен с поправкой Виктора:

– ...И людей Гуш-Катиф! У моего деда была медаль за оборону Севастополя.

– Может, и тебе дадут? – предположил Шульман. – За защиту Кфар-Даром...

Виктор задумался, а, придя в себя, проговорил:

– На фига мне?

– Не хочешь, не бери... – уступил Шульман.

– Мой дед был настоящий мужчина! – сказал Виктор. – Мой дед был настоящий мужчина и никогда не плакал!

– Настоящие мужчины никогда не плачут? – спросил Шульман.

– Настоящие мужчины плачут совсем редко... Гораздо чаще – лишаются разума...

– Сходят с ума?

– Вроде того...

– Твой дед сошёл с ума?

– Сгорел в танке... Под Прагой...

Наполнив рюмки, Шульман предложил выпить за деда.

Выпили.

Помолчали.

Потом Шульман спросил:

– Говоришь, у мужчин часто такое?..

– Что? – не понял Виктор.

– Насчёт разума...

– Я про настоящих мужчин... Они слишком долго носят в себе что-то такое, от чего...

Больше пить не хотелось.

Шульман взглянул на часы.

– Вечеров в Израиле не бывает, – уныло проговорил он. – В 17,30 – светло, а в 18,30 – сразу темно. Сейчас 18,30... Уходят наши дни... Улетают, убегают, уносятся... Времени в резерве всё меньше, всё меньше...

– И их, и женщин... – сказал Виктор. – В юности я поклялся следовать знаменитому завету Пушкина: «Всех женщин не перелюбишь, но к этому надо стремиться!».

– Напрасно... – заметил Шульман.

– Что?

– Клялся напрасно...

Горестно вздохнув, Виктор признался:

– Теперь перед великим поэтом стыдно... Если бы можно было вернуться бы в детство снова...

– Ещё вернёшься! – пообещал Шульман. – Рано или поздно в детство впадают все...

В углу под потолком послышался шум спускаемой воды.

Вдруг Виктор спросил:

– Думаешь, справедливости больше нет?

Шульман громко зевнул.

– Разве она была? – сказал он. – Впрочем, когда наши далёкие предки делили мясо убитого мамонта, то...

Глаза Виктора застелила пелена растерянности.

– «Mundus vult decipi!»,² – придвинув к себе рюмку, сказал Шульман.

Виктор шумно вздохнул и тоже потянулся к рюмке.

– Ну, и пусть, если мир желает!.. – взорвался он.

– Я – как мир! – сказал Шульман.

– А я – нет! – кричал Виктор. – Когда нам на уши пытаются вешать лапшу, меня просто колотит... Где же правда, справедливость? Где это?

На лице Шульмана отобразилось изумление.

– Так ведь о том, «где это», уже давно сказано... – прошептал он.

– Кем? – насторожился Виктор.

² (лат.) «Мир хочет быть обманут!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.